

УДК 911.8

ЭКОЛОГО-КУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ ИНТЕРЕСОВ В ДОЛИНЕ РЕКИ УНЖИ (КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ)

© 2018 г. Александр В. Дроздов

Институт географии РАН, Москва, Россия

E-mail: drozdov2009@gmail.com

Поступила в редакцию 10.05.2016 г.

Аннотация. В статье охарактеризованы четыре давно сложившиеся и один формирующийся эколого-культурный феномен. Эти феномены представляют собой некоторые повторяющиеся схемы деятельности или поведения людей, значительно изменяющие ход природных процессов. Они порождаются устойчивыми сочетаниями экологических конфликтов, присущих определенным формам природопользования и хозяйственной деятельности — таким как землепользование, лесопользование, водопользование, обращение с отходами и другим. Их трансформирующее воздействие на ландшафты долины реки Унжи показано на конкретных примерах. Они иллюстрируют последствия варварского лесопользования, бездумной индустриализации и упадка сельского хозяйства. Действие этих феноменов распространяется на многие территории региона “Ближний Север”. Оно типично для российского природопользования на протяжении многих лет. Наиболее давним феноменом является хищническое лесопользование и его следствие — обмеление рек. Давно действует и феномен антиэкологической индустриализации. Основные конфликты, формирующие эти феномены, суть противоречия между увеличением материального благосостояния людей и нарушением их здоровья в результате ухудшения экологической ситуации. Более молодой феномен разрушения и одичания традиционного сельского ландшафта обусловлен не столько собственно экологическими, сколько социально-экономическими конфликтами. Новый феномен формируется как следствие ясно выраженного конфликта эколого-культурных интересов двух групп населения — сокращающегося коренного крестьянского и растущего дачного.

Ключевые слова: феномены экологической культуры и конфликты, природопользование, Ближний Север.

DOI: 10.7868/S2587556618020103

ENVIRONMENTAL AND CULTURAL CONFLICTS OF INTEREST IN THE UNZHA RIVER VALLEY (KOSTROMA OBLAST)

Aleksandr V. Drozdov

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: drozdov2009@gmail

Received May 10, 2016

Abstract. Four long-established environmental and cultural phenomena and a new one are characterized in the article. These phenomena represent some recurring patterns of activity or behavior of people, significantly altering the course of natural processes. They are generated by stable combinations of environmental conflicts inherent certain forms of nature management and economic activities such as land use, forest use, water use, waste management and others. Their transformative effect on the landscapes of the Unzha River valley is shown on concrete examples. They illustrate the consequences of the barbaric forest use, reckless industrialization and decline of agriculture. The effect of these phenomena is extended to many territories of the Near North. It is typical for the nature management in Russia for many years. The most long-standing phenomenon is a predatory forest use and its corollary, the shallowing of rivers. Phenomenon of antienvironmental industrialization acts also for a long time. The main conflicts that shape these phenomena are contradictions between the increase in material well-being of people and the violation of their health as a

result of deterioration of the ecological situation. More youthful phenomenon of the destruction and running wild of the traditional rural landscape is conditioned by not so much environmental, how socioeconomic conflicts. A new phenomenon is formed as a consequence of the explicit conflict of environmental and cultural interests of two groups of population – decreasing indigenous peasant population and increasing dachas.

Keywords: environmental and cultural phenomena, nature management, the Near North of Russia.

Введение. Территория Костромской области входит в регион “Ближний Север”. Весь он лежит в зоне тайги. Коренные жители этого региона хорошо адаптировали к условиям тайги и свои дома, и свое хозяйство, и весь свой быт. Традиционная культура “северного природопользования”, сложившаяся в этих краях, экологически хорошо выстроена, она оставляет ландшафту достаточно возможностей для воспроизводства его ресурсов, и для его устойчивого функционирования.

Эту культуру в XX в. наше общество трансформировало, главным образом утрачивая и разрушая ее элементы. Такая трансформация продолжается и в нынешнем столетии. Ни плановое социалистическое хозяйство, ни неуправляемая рыночная экономика не смогли предотвратить здесь экологическую деградацию, затрагивающую важнейшие аспекты благополучия людей. Хищническая

вырубка лесов, развитие экологически “вредных” производств, пренебрежение опытом поколений, рекомендациями ученых обусловили нынешнюю деградацию природы Ближнего Севера и условий жизни людей [2, 5]. Все эти факторы представляют собой экологически чрезвычайно значимые компоненты общей культуры общества. Это экологические феномены культуры. Их много, они весьма различны и в разной степени способны трансформировать природу.

Вообще говоря, любые действия человека так или иначе связаны с экологическими процессами. И в этом отношении они представляют собой явления и культуры, и экологии, понимаемой не в узко биологическом смысле, а в широком контексте взаимоотношений человека с окружающей природной средой. Однако во множестве этих взаимоотношений существуют их устоявшиеся сочетания.

Рис. 1. Костромская область.

Это некоторые повторяющиеся схемы деятельности или поведения, значительно изменяющие ход природных процессов и в то же время обусловленные во многом природой. Такие схемы характерны для лесного и сельского хозяйства, для водопользования, для обращения с отходами. Эти схемы можно назвать эколого-культурными феноменами.

Природа и природопользование в долине Унжи, левого притока Волги (рис. 1, 2) обладают многими чертами, характерными для территории Костромской области и других территорий Ближнего Севера. В конкретных локусах долины Унжи можно увидеть результаты действия давно сложившихся феноменов. Отчетливы также проявления новых эколого-культурных отношений, которые возможно, формируют новый феномен. В целом трансформацию ландшафтов долины Унжи можно считать иллюстрацией, допускающей ее осторожную экстраполяцию на сходные территории.

Давно сложившиеся феномены. Ландшафты долины и всего бассейна Унжи – это южно-таежные

леса, местами заболоченные, пойменные луга и песчаные отмели реки, озера-старицы, лиственные рощи, сосновые боры на террасах и в междуречье с Ветлугой, небольшие тихие лесные речки, а также сельские поля и деревни, множество которых заброшено.

Коренные леса сильно нарушены рубками, во многих местах их замещает мелколесье. Значительные массивы полей превратились в многолетние залежи, заросшие молодыми березами, осинами, ивами, реже соснами. Правобережье Унжи – высокий коренной берег, чаще всего круто спускающийся к реке. Его высота достигает 60–80 м. Левый берег низкий, лесной, практически без прибрежных поселений и полей (если не считать нескольких мест между Кологривом и Мантурово).

Подобные долинны ландшафты довольно широко распространены на территории Ближнего Севера. Приречное расселение и сельскохозяйственное освоение речных долин здесь весьма типично и существует уже не одно столетие.

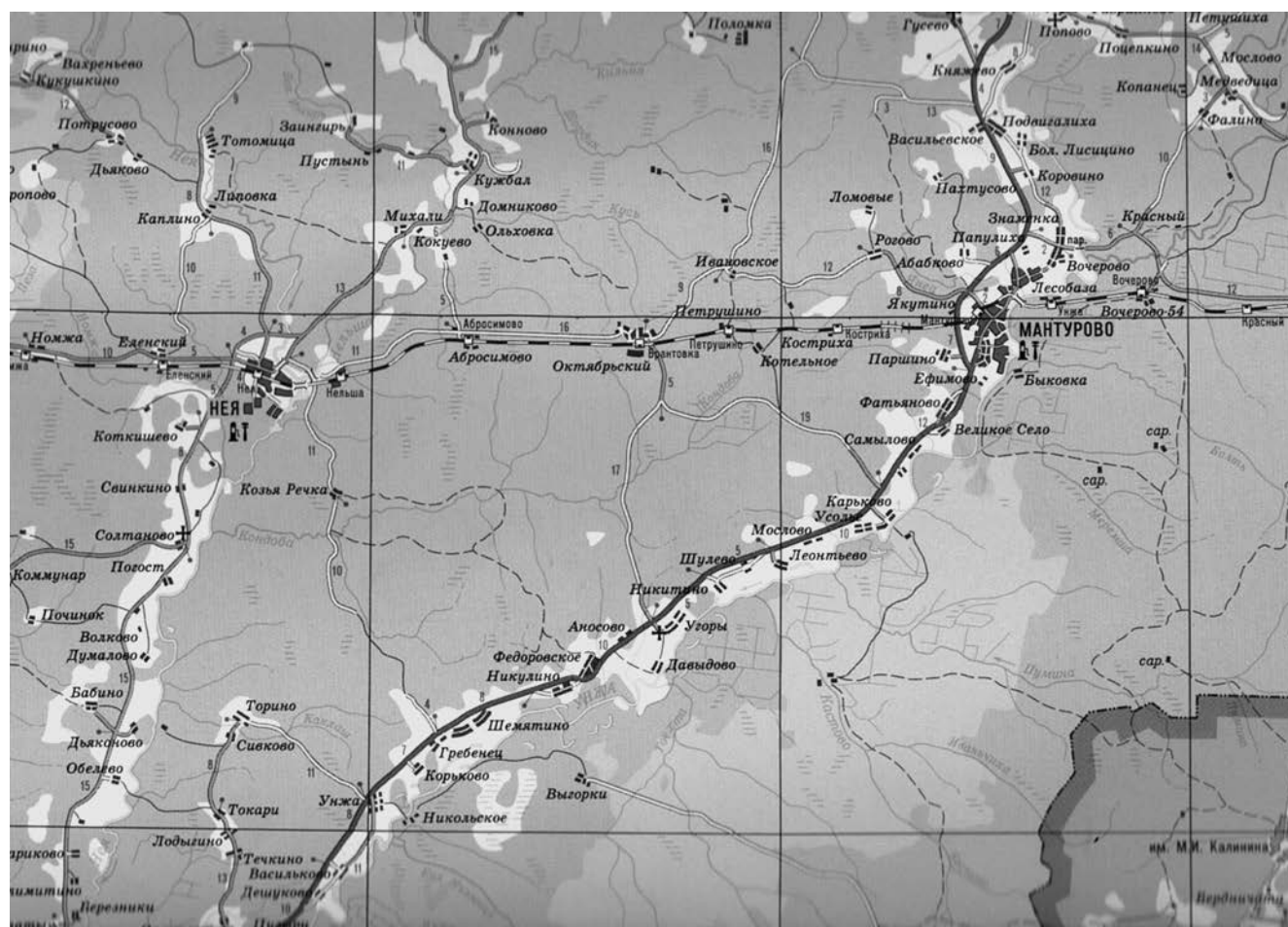

Рис. 2. Освоение долин рек Унжа и Нея.

Крупных опасных действующих индустриальных предприятий в настоящее время в долине Унжи и в окрестностях нет, коммунальные стоки не очень велики по объему и отчасти очищаются. Поля уже почти не удобряются как прежде, животноводческие комплексы в большинстве своем превратились в развалины, поток автомашин по федеральному шоссе, проходящему от Макарьево до Мантурово по правобережью реки, хотя и растет, но еще сравнительно невелик. Поэтому экологическая ситуация в аспекте загрязнения за исключением отдельных небольших ареалов пока не внушает серьезных опасений.

Однако давно освоенные ландшафты долины Унжи меняются. Деревенские избы разрушаются, колхозные коровники и другие хозяйственные постройки представляют собой по преимуществу развалины, заросшие бурьяном. Но местами облик и дух сельского ландшафта пока еще целы.

Четыре эколого-культурных феномена, десятилетиями преобразовывавшие и поныне преобразующие ландшафты, представлены ниже конкретными примерами. Этими примерами отнюдь не исчерпывается многообразие ситуаций, порождаемых действием каждого из четырех феноменов. Примеры иллюстрируют только некоторые из проявлений давней трансформации ландшафтов долины Унжи.

Феномен первый “Антиэкологическая индустриализация”. Пример “Биохим”. На окраине города Мантурово у берега Унжи расположена территория огромного заброшенного биохимического завода, кратко называемого “Биохим”. Он был одним из крупнейших в СССР. Сейчас это полуразрушенные корпуса и высокие трубы, груды различных отходов (в их числе вредный лигнин), металлолом, молодые березки, заросли кустарников и сорных трав, разбитые дороги. Пейзаж напоминает кадры фильма “Сталкер” Андрея Тарковского (рис. 3).

Завод начал строиться в 1960-е годы, запущен в 1975 г., практически остановился в 1988 г., формально был закрыт в 1993 г.¹ На территории завода у берега Унжи расположены большие действующие очистные сооружения, прежде принимавшие стоки и завода, и города. Теперь сюда поступают только городские сточные воды. Это обычная практика проектировщиков еще с советских времен — подключать городскую канализацию к крупным заводским очистным сооружениям. В 2006 и 2009 гг. в прежних цехах завода возникли два небольших предприятия — “Ингакамф” и “Медкомпресс+”. Оба производят медицинские

Рис. 3. Развалины комбината “Биохим”.

перевозочные материалы и частично используют отходы “Биохима”.

Основной продукцией завода были кормовые дрожжи — добавки к корму скота, птицы и даже рыбы, стимулирующие быстрый рост их мышечной массы, а также фурфурол, используемый в химической и в военной промышленности. Продукция завода пользовалась высоким спросом. Местные жители утверждают, что на заводе производились компоненты ракетного топлива.

Так или иначе, производство “Биохима” и его продукция были экологически вредными. Это выяснилось после того, как потребители мяса животных, получавших кормовые дрожжи, стали серьезно болеть. Выяснилось также, что в твердых отходах производства содержатся токсичные вещества, что река Унжа получала загрязненные стоки, что воздушные выбросы завода тоже вредны. Технология производства, спланированная еще в 1960-е годы, не отвечала требованиям экологической безопасности. Завод стал убыточным.

История “Биохима” — это характерный пример действия феномена антиэкологической индустриализации. Он сформировался как продукт директивной экономики, экологической неграмотности, гигантомании. К сожалению, это далеко не единственный пример, не научивший руководителей того же Мантуровского района и Костромской области осмотрительности и дальновидности в планировании некоторых проектов развития. Феномен этот обладает определенной устойчивостью и продолжает действовать.

Пример ЦБК. Проявление феномена мы наблюдаем и сейчас — на примере попыток создать крупнейший в Европе целлюлозно-бумажный комбинат (ЦБК) в том же Мантуровском районе [1].

¹ http://www.manturovo.org/about/sd_mant/ist/index.aspx.

Идея строительства ЦБК в разных вариантах обсуждается с начала 1980-х годов. В то время был создан проект комбината, но его строительство до сих пор не началось из-за проблем с инвестициями и сомнений в эффективности. Командная экономика уже не существовала, и регуляторами планирования стали более рациональные факторы. Однако среди них экономическим и социальным отдавалось предпочтение перед экологическими.

Речь идет не только о непосредственных воздействиях комбината на состояние окружающей среды и здоровье людей — о загрязнении поверхностных и подземных вод, почвы, воздуха, о заболеваемости работников предприятия и местных жителей.

Важно оценивать долговременные последствия эксплуатации природных ресурсов в необходимых комбинату объемах. Современное состояние лесных насаждений области представлено в Лесном плане, разработанном Федеральным агентством лесного хозяйства в конце первой декады текущего столетия. Один из результатов анализа этого плана таков: преобладание в Мантуровском лесничестве молодняков и средневозрастных насаждений свидетельствует об интенсивной эксплуатации лесов в предшествующее время. Дальнейшая вырубка уже немногих оставшихся участков хвойных лесов и почти тотальное уничтожение лиственных, включая мелколесье, приведет к изменению состава лесных сообществ, хода восстановительных сукцессий, ареалов обитания и численности животных. Произойдет сокращение объемов речного стока, озера и старицы перестанут должным образом наполняться во время половодья, следом изменятся сообщества гидробионтов, возможности рыбалки, водного туризма и т.д. Оценкой таких последствий сторонники строительства ЦБК пренебрегают.

Феномен второй “Варварское лесопользование”. В бассейне Унжи лесное хозяйство было и пока остается истощительным, как и во многих регионах России. Но здесь мы можем наблюдать проявление особого типа лесопользования — “гулаговского”.

Особый унженский пример “Унжлаг”. Унженский исправительно-трудовой лагерь² был организован 5 февраля 1938 г. Лагерь был основан в системе ГУЛАГа и действовал вплоть до начала 1960-х годов. Его назначением было снабжение Москвы, Нижнего Новгорода и других городов дровами. Для вывоза дров была построена железная дорога Сухобезводное — Северный — деревня Выгорка. К основной дороге сходились узкоколейки для

подвоза леса. Участок Сухобезводное — Северный функционирует до сих пор (2008 г.) и на нем есть даже пассажирское движение. Общее число заключенных в год формирования лагеря составляло более 15 тыс. человек, максимума достигло в 1950 г. — более 30 тыс., к 1960 г. снизилось почти до 13 тыс. В составе Унжлага было до 30 лагпунктов, в том числе три больницы, два деревообделочных завода и две швейные фабрики. Комендантский или приемный лагпункт располагался в нескольких километрах от поселка Сухобезводное. В Унжлаге было и женское отделение.

Лагпункты Унжлага разбросаны между Ветлугой и Унжей в их среднем и нижнем течении. Их связывали грунтовые дороги и узкоколейки (часто деревянные “лежневки”), ныне сохранившиеся лишь местами. Вырубки заросли вторичными сообществами. От лагерных бараков кое-где остались развалины, но обнаружить их трудно. Могилы погибших заключенных безымянны и большею частью потеряны.

Знакомство с территорией Унжлага — это не просто исторический урок ее посетителям, особенно молодым. Это урок моральный — как в социальном, так и в экологическом аспектах. Ведь тотальный лесоповал с использованием каторжного труда — одно из характерных проявлений грабительского отношения государства к нашей природе. Посещение территории Унжлага дает еще и возможность показать долговременные экологические последствия лесоповала, шрамы которого исчезнут нескоро. Интересна также сукцессия лесных сообществ, порожденная огромным пожаром 1972 г. Многие сосновые леса поэтому в этих местах молоды.

Феномен третий “Обмеление рек”. Одним из первых русских экологов, вероятно, был герой пьесы А.П. Чехова “Леший”. Этот странный человек рисовал какие-то карты. На них можно было видеть, как исчезают леса — их вырубали. И как в тех местах, где леса вырублены, мелеют и гибнут реки.

Водорегулирующая роль леса — это классическая тема гидрологии на протяжении десятилетий. Но многие наши лесопользователи остаются глухи к выводам гидрологов.

Корни такого отношения уходят в историю России. Крестьянская община была снисходительна к мужику, спилившему дерево в барском лесу. Но жестоко судила вора, укравшего что-нибудь у крестьянина. Помещик, а позднее и купец могли с легкостью вырубить или продать лес (вспомним тургеневского Бирюка и чеховский “Вишневый

² <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%BD%D0%B6%D0%BB%D0%B0%D0%B3>.

Рис. 4. Макет плота – соймы.

сад”). Князья и русские цари жаловали своих подданных дачами – не домами, как могли бы подумать наши современники, а участками земли, нередко лесными. Лесные отношения стали весьма значимыми. Леса были осознаны как особо ценные экологические ресурсы. И в отношениях власти и общества к лесам сейчас, как и прежде, выразительно проявляются экологические аспекты общественной морали. Советское лесное хозяйство не было достаточно экологичным. “Архаровцами” (беспутными людьми) назвал рабочих приангарского леспромхоза герой повести Валентина Распутина “Пожар”.

Характерный пример – это судьба реки Унжа. В начале прошлого века Унжа была судоходной рекой. Пароходы поднимались по ней до Мантурова. Но вскоре по реке пошел молевой сплав. Особенно обильным он стал в середине столетия, когда сплошные рубки леса в бассейне реки стали очень интенсивными. В результате во многих местах русло реки оказалось завалено утонувшими бревнами. Эти завалы сохраняются и сейчас, в межень препятствуя прохождению уже не пароходов, а даже небольших катеров. Прежде лес сплавляли специальными плотами – “соймами”. Макет такого плота сохранился в краеведческом музее города Макарьева (рис. 4). Он был многослойным, и все его слои состояли из кругляка, предназначенного для продажи. Плот имел домик для жилья и вышку для рулевого.

Сплошные рубки леса в бассейне Унжи привели к почти полному исчезновению подземного стока

в реку со стороны правобережья и ее чрезвычайно-му обмелению, хотя лесное левобережье обеспечивает некоторый приток воды из малых речек и из грунтовых вод. Во многих местах в межень можно перейти Унжу вброд. Берега реки в это время изобилуют отмелями.

Феномен четвертый “Одичание” традиционного сельского ландшафта. На протяжении последних десятилетий сельский ландшафт Ближнего Севера “дичает”, постепенно утрачивая признаки и свойства традиционного. Этот феномен обусловлен упадком сельского хозяйства, депопуляцией деревень, повторяющимися кризисами и структурной перестройкой российской экономики. Проявления феномена отчетливы – зарастающие поля (рис. 5а, 5б, 5в, 6а и 6б), разрушенные колхозные коровники, заброшенные деревенские дома. Существует и “встречный” процесс – освоение сельского ландшафта горожанами – дачниками [3, 6].

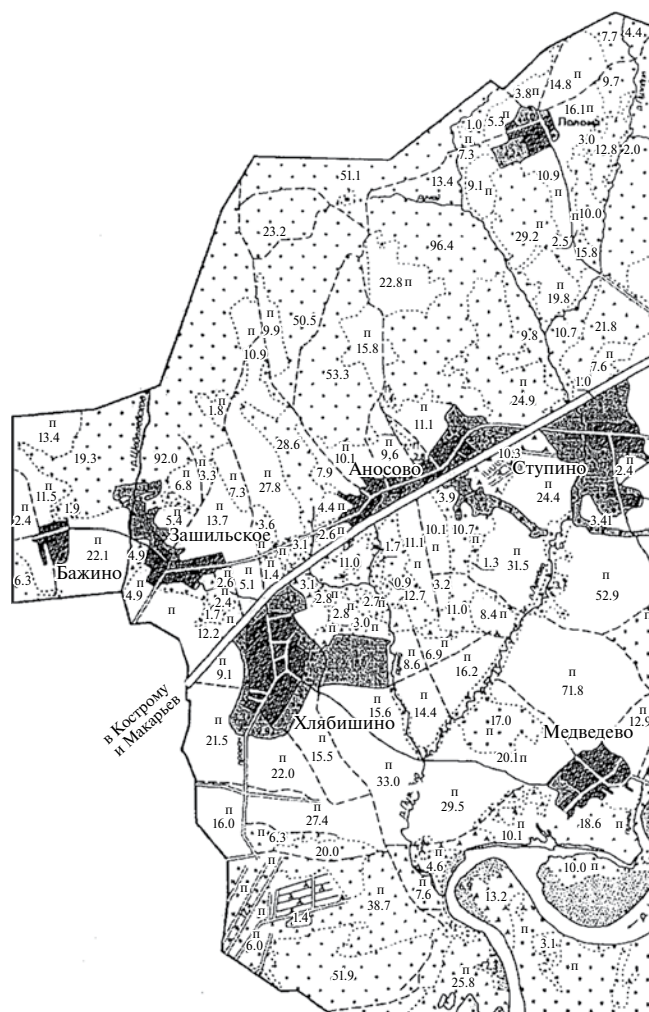

Рис. 5а. Использование земель. Территория Угорского поселения, 1979 г.
Источник: [9].

Рис. 56. Использование земель. Территория Угорского поселения, 2007 г. Площадь пашни сократилась за 18 лет более, чем на 50%.

Источник: [9].

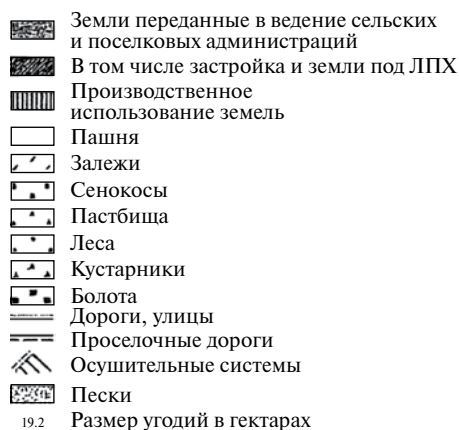

Рис. 5в. Условные знаки к рисункам 5а и 5б.

Источник: [9].

Но если одичание полей и лугов направлено в одну сторону, то трансформация деревень и малых поселений происходит в разных направлениях.

Некоторые заброшенные крестьянские дома оживают благодаря купившим их горожанам. Но иногда они перестраиваются вульгарным образом и не сохраняют, а разрушают прежде целостный архитектурный облик поселения. Еще более заметным диссонансом оказывается новое дачное строительство в аутентичной деревне или возникновение целых коттеджных поселков. Формально это процессы не разрушения, а преобразования культурного ландшафта. Однако, по сути дела это явления одичания культуры.

На зарастающих пашнях и лугах в зависимости от возраста их выведения из хозяйственного оборота развивается та или иная фаза сукцессии, общее направление которой — формирование южно-таежного ландшафта. На песчаных почвах появляются преимущественно молодые сосны, на супесчаных — березы, ивы, осины.

Уместно заметить, что изменения растительного покрова происходят, можно сказать, “на глазах людей”. Но меняются ведь также и почвы, только гораздо медленнее. И они не сразу станут таежными, и сельский ландшафт окончательно одичает не очень скоро. Поэтому облик “дикающего” полевого ландшафта пока еще будет мил глазу дачника и неприятен крестьянину.

Формирующийся феномен “Конфликты эколого-культурных интересов”. Живущие вместе в одних и тех же деревнях на Унже две общности — коренные местные жители, число которых неуклонно сокращается, и растущая группа горожан, купивших покидаемые дома, объединены сравнительно слабыми хозяйственными связями, но разделены жизненными интересами [3, 6]. Для первой общности приоритетно, как минимум, сохранение, а по возможности, и некоторое улучшение условий жизни (“прожить бы остаток лет спокойно” и “лишь бы не стало хуже”). Для этого нужно немного — регулярно присылать автолавку, расчищать зимой дорогу и т.п. Для значительной (если не преобладающей) части второй общности можно выделить другую доминанту — сохранение местности в “спящем” состоянии. “Лишь бы дорогу сюда не улучшали” (тогда придет множество отдыхающих) и “только бы ничего здесь не строили и поля не распахивали” — говорят эти люди.

Различны у этих людей и мечты о будущем. Первые хотели бы видеть лен, голубеющий на полях, молодежь на тракторах и комбайнах, детей в школе. Вторым милее “дикающий” ландшафт,

Рис. 6а. Космический снимок деревень Медведево и Давыдово. Приусадебные участки почти заброшены.

Рис. 6б. Аэроснимок А.А. Медведева. То же, деревня Давыдово.

но желанны бабушки, остающиеся в деревне на зиму и тем самым охраняющие дома горожан от разграбления.

Можно иллюстрировать это обобщенное описание мнений двумя контрастными высказываниями, записанными в ходе специальных опросов, проводившихся в форме полуструктурированных интервью. Для местных жителей и для дачников были подготовлены отдельные вопросники. В их разработке и в проведении интервью участвовала О.А. Усачева (Институт социологии РАН). Для опросов были выбраны три деревни Угорского (ныне Леонтьевского) поселения.

Медведево — самая малолюдная из трех деревень, глухая и бедная, расположенная в тупике разбитой дороги, соединяющей ее с трассой Мантурово-Макарьев. Деревня Давыдово, более населенная и благополучная, удалена от трассы на 5–6 км. А д. Хлябишино находится на упомянутой трассе, она наиболее людная и богатая. Можно думать, что сочетание трех таких деревень достаточно представительно для долины Унжи.

Основное содержание интервью было нацелено на выяснение мнений респондентов по следующим группам вопросов.

— Что более всего изменилось за последние 20, 15, 10 и 5 лет?

— Это были изменения к лучшему или худшему?

— Как они повлияли на Вашу жизнь?

— В чем причины изменений? Нужно ли и можно ли эти изменения исправить?

Итак, вот характерные суждения.

1. Москвич, фотограф-любитель, среднего возраста, приезжает регулярно с середины 1990-х годов, влюблен в окрестные ландшафты. На вопрос “Что должно произойти, чтобы Вы перестали сюда приезжать?” отвечает: “Если начнется сюда паломничество, не дай Бог виллу построит кто-нибудь, машин будет много...”

2. Местная жительница, с 1996 г. на пенсии, была бригадиром в колхозе. На вопрос “Почему стало жить хуже и что можно сделать?” отвечает: “Работы не стало, молодежь уехала, а кто остался, работать не хочет... И магазина не стало... А нужно поля поднимать, молодых привлекать, технику налаживать, да кто ж это сделает?”

Этот конфликт интересов, обусловленных различиями традиционных культурных установок и занятий горожан и крестьян, едва ли может быть разрешен скорым компромиссом. Вероятнее всего, конфликт погаснет по простой

причине — коренных жителей в деревнях остается все меньше...

Конфликты природопользования на северных территориях России и их культурно-экологические аспекты подробно изложены в многочисленных публикациях Т.М. Красовской. В контексте темы, обсуждаемой в данной статье, в первую очередь интересна публикация об использовании сведений о конфликтах в целях восстановления нарушенных геосистем [4].

Множество зарубежных статей и книг тоже посвящены проблемам конфликтов горожан и сельских жителей, а также путям их решения. В большинстве работ для этих целей предлагается использовать инструменты территориального планирования [7, 8].

Но ситуация на Ближнем Севере отличается иным фоном — сильным давлением факторов, порождаемых общими социально-экономическими российскими процессами, главные из которых — это депопуляция деревень и упадок сельского хозяйства.

Сложился ли уже в результате конфликта интересов новый феномен “Вектор развития неопределен”? Неопределенность обусловлена тем обстоятельством, что помимо охарактеризованных в данной статье существуют и другие далеко не согласующиеся между собой устремления жителей этих территорий. Трансформирующий ландшафты эффект их проявлений обладает различной “мощностью” и направленностью.

Так, экологам представляется нормальной (неизбежной) постепенная смена сельскохозяйственных земель таежными. Правда, при этом можно ожидать сокращения биологического разнообразия. Скажется ли это на изменении параметров устойчивости ландшафтов — вопрос, требующий комплексного исследования не только биологов, но также социологов и географов. Будет ли при этом сокращаться эколого-культурный туристский потенциал территории? В некоторых аспектах будет. Но возможности его реализации в пределах главной оси региона — долины Унжи — в целом сохранятся при условии формирования необходимой инфраструктуры в узловых точках — Кологриве, Мантурове и Макарьеве.

Районные и муниципальные власти с согласия областных ищут быстрые пути экономического развития — создания новых рабочих мест, привлечения молодежи, улучшения инфраструктуры. Они готовы принять проекты, потенциально способные, по их мнению, обеспечить такое развитие. При этом всесторонний анализ предлагаемых

спасительных проектов проводится далеко не всегда.

Местные власти, во исполнение установок федеральных властей, разрабатывают схемы территориального планирования районов и сельских поселений. Но этот инструмент управления чаще всего остается лишь планом, далеким от воплощения. На практике администраторы разных уровней заняты реализацией других целей. Например, арендой обширных территорий для организации охотничьих хозяйств, сулящих владельцам определенные доходы.

При участии властей происходит и другой процесс, обладающий значительным управляющим потенциалом. Это приобретение немногими лицами многих земельных паев, от которых за небольшие деньги избавляются бывшие крестьяне, не видящие перспектив восстановления сельского хозяйства. В то же время власти должным образом не помогают новым владельцам сельских домов — горожанам получить возможности наравне с местными жителями участвовать в обсуждении и решении проблем развития территории.

Заключение. Трансформация ландшафтов долины Унжи во многом типична для речных долин Ближнего Севера, расположенных в зоне южной тайги. Но она и своеобразна. Отметим две особенности проявления здесь давно сложившихся механизмов трансформации (эколого-культурных феноменов).

Во-первых, это склонность к гигантизму, плохое планирование и затягивание строительства. В результате “Биохим” оказался неэффективен и был заброшен. Но областные и муниципальные власти снова мечтают о гигантах индустрии (проекты ЦБК).

Во-вторых, продолжительное существование “Унжлага” не “Далеко от Москвы”³, а всего лишь в шестистах километрах. Остатки лагпунктов и лежневок, молодые древостои и вторичные сообщества на местах сплошных вырубок и гарей — таковы следы, оставленные “Гулагом”.

Конфликты эколого-культурных интересов, пока еще специально исследовавшиеся только в нескольких деревнях Угорского (Леонтьевского) поселения, вероятно, распространены во всем Нечерноземье, хотя и с разной остротой. Об этом косвенно можно судить по описаниям сообществ горожан и их взаимоотношений с местными

жителями [3]. Существенным фактором этих взаимоотношений является самоорганизация и устойчивость сообществ.

Возможен ли в такой ситуации эколого-культурный компромисс? Или разнонаправленные стремления нынешних акторов будут сохраняться, а результатам их взаимодействия останется неопределенность вектора развития? А может быть, это уже новый сложившийся эколого-культурный феномен? Как кажется, ареалы его действия множатся и сохраняются — на Кавказе и на Алтае, на Ямале и в Приморье — с их давней и продолжающейся волатильностью факторов развития. Очевидно, было бы интересно проследить подобные ситуации более подробно, опираясь на материалы специальных исследований.

Благодарности. Я глубоко признателен профессору Н.Е. Покровскому и профессору Т.Г. Нефедовой, поддерживавшим мою работу по Угорской тематике, А.А. Медведеву, предоставившему мне дистанционные материалы для иллюстраций и оформившему их, а также О.А. Усачевой, участвовавшей в проведении и обработке интервью.

Acknowledgments. The author is grateful to professor N.E. Pokrivskiy and professor T.G. Nefedova for their support of this research, to A.A. Medvedev for sharing and graphic layout of remote data, and to O.A. Usacheva for assistance in conducting and processing interviews.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гунько М.С. Экологические и социально-экономические аспекты строительства ЦБК // Настоящее и будущее Ближнего Севера. Экономика, экология, сообщества. М.: СоПСО, 2012. С. 192–207.
2. Дезурбанизация и природный капитал // Матер. к IV международной конференции. М.: СоПСО, 2013. 291 с.
3. Дроздов А.В. О сообществах горожан в деревнях Нечерноземья // Проблемы региональной экологии. 2015. № 3. С. 61–66.
4. Красовская Т.М., Евсеев А.В., Захаржевский В.В. Изучение конфликтов природопользования как основа для восстановления нарушенных геосистем Севера // Экологические проблемы северных регионов и пути их решения: сб. докл. III Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Апатиты, 4–8 окт. 2010 г.). Ч. 2. Апатиты, 2010. С. 20–24.
5. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Урбанизация, контрурбанизация, пространственная мобильность населения и роль дачников на Ближнем Севере // Дезурбанизация и природный капитал. Матер. к IV

³ Роман В.Н. Ажаева, идеализирующий каторжный труд заключенных. Награжден Сталинской премией 1-й степени в 1948 году.

- международной конференции. М.: СоПСо, 2013. С. 57–76.
6. Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта / Ред. Н.Е. Покровский и Т.Г. Неведова. М.: Логос, 2014. 496 с.
 7. Boavida I., Sampaio A., Almeida D., and Gomes E. Environmental Conflicts in Portuguese Coastal Urban Areas: an Assessment // Technical Report. January 2013. University of Groningen. DOI: 10.13140/RG.2.1.4780.1449.
 8. Transformational Development and Coordinated Planning; Practices of Guangzhou in Village Planning // United Nations Human Settlements Programme (UN-HABITAT). <https://unhabitat.org/books/transformational-development-and-coordinated-planning-practices-of-guangzhou-in-village-planning/>.
 9. Неведова Т.Г. Угорское поселение — растяжение и сжатие освоенного пространства // Перспективы российского Севера: очаговая экономика и социальная структура. М.: СоПСо, 2007. С. 65–127.
 3. Drozdov A.V. City-dwellers communities in the villages of the Russia's Non-Chernozem Zone. *Reg. Environ. Problems*, 2015, no. 3, pp. 61–66. (In Russ.).
 4. Krasovskaya T.M., Evseev A.V., Zacharwevsky V.V. Study of the land use conflicts as a basis for the geosystems of the North recovery. In *Ekologicheskie problem severnykh territorii i puti ikh resheniya* [Environmental problems of the North Regions and the ways to solutions]. Appatity, 2010. Pp. 20–24. (In Russ.).
 5. Nefedova T.G., Treivish A.I. Urbanisation, Contrurbanisation, Spatial Mobility of Populatin and Dachniks Role in the Near North. In *Dezurbanizatsiya i prirodnyi kapital* [Deurbanisation and Natural Capital. Proceedings of the fourth international conference]. Moscow, SoPSO, 2013, pp. 57–76. (In Russ.).
 6. *Potentsial Blizhnego Severa: ekonomika, ekologiya, sel'skie poseleniya. K 15-letiyu Ugorskogo proekta* [Potential of the Near North. Economy, Ecology, Rural Settlements]. N.E. Pokrovsky, T.G. Nefedova, Eds. Moscow: Logos Publ., 2014. 496 p.
 7. Boavida I., Sampaio A., Almeida D., Gomes E. *Environmental Conflicts in Portuguese Coastal Urban Areas: An Assessment*. Technical Report. January 2013. University of Groningen. DOI: 10.13140/RG.2.1.4780.1449.
 8. Transformational Development and Coordinated Planning; Practices of Guangzhou in Village Planning. United Nations Human Settlements Programme (UN-HABITAT). <https://unhabitat.org/books/transformational-development-and-coordinated-planning-practices-of-guangzhou-in-village-planning/>
 9. Nefedova T.G. Settlement Ugorskoe — expansion and shrinkage of active space. In *Perspektivy rossiiskogo Severa: ochagovaya ekonomika i sotsial'naya struktura* [Prospects of the Russian North: focal economy and social structure]. Moscow, SoPSO, 2007, pp. 65–127 (In Russ.).

REFERENCES